

АВАНТЮРЫ СЕРЬЕЗНОЙ ДЕВУШКИ

ШУТКИ В СТОРОНУ

ОКСАНА ОБУХОВА

Авантюры серьезной девушки

Оксана Обухова

Шутки в сторону

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Обухова О.

Шутки в сторону / О. Обухова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Авантюры серьезной девушки)

Ошеломительной блондинке Полине Карауловой при разводе достаются жалкие гроши и особняк. Поправляя финансовое положение мадам устраивает в доме салон для тайных деловых переговоров влиятельных господ. Дела идут неплохо, гости приезжают ненадолго, а платят щедро. Но однажды Полина находит в гостиной подслушивающее устройство и понимает, что – пропала. В этой комнате прозвучало достаточно секретов, чтобы мадам почувствовала себя приговоренной. Караулова обращается за советом к Софье Ивановой. Девушка соглашается помочь, поскольку в деле могут быть затронуты интересы ее друга Назара. Вскоре возле Софьи создается невероятная компания из стилиста-гея, бандита и запутавшейся разведенки. Дело же оказывается горячим, в нем быстро появляются два трупа...

© Обухова О.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Оксана Обухова

Шутки в сторону

Часть первая

О вреде стимуляторов роста

Рассказывая мне грустную и поучительную историю злоключений мадам Карауловой, Диана уложила в пять минут. Манеру повествования, в которой велся рассказ, легко представить по первой фразе: «Эта дура, вместо того чтобы принимать бром крупными порциями, завела очередного любовника!» Но в принципе эпопею можно было начинать гораздо проще: женщины Полину Аркадьевну тихонько ненавидели.

А вот мужчины нежно обожали. Мадам Караулова действовала на них как стимулятор роста: всесторонне укрепляла и, уже окрепших, призывала к подвигам.

Особенно привлекательна Полина Аркадьевна была для следующих категорий лиц противоположного пола:

- а) не слишком удачливые бизнесмены;
- б) бизнесмены удачливые, но впавшие в дремучую подозрительность;
- в) возрастная категория мужчин;
- г) нытики;
- д) все остальные нормальные мужики, любители нормальных женщин.

И объяснение тому – имелось. После мягкой и теплой груди главным качеством Полины Аркадьевны было умение дружить. Не организмами, не пошло и пастельно, а просто и безыскусно – крепко, на всю жизнь. Базировались эти отношения с мужчинами не на приятной груди, как говорилось выше, а на самом образе жизни мадам Карауловой. Почти всегда Полина Аркадьевна была готова к свиданиям, ласковой улыбке и неспешным разговорам.

Фундаментом подобных доверительных отношений служило уединенное и ухоженное жилище Полины Аркадьевны: приличных размеров особняк почти в центре города, доставшийся мадам после развода с первым и пока единственным мужем Григорием Павловичем Карауловым.

Бывший супруг Полину Аркадьевну боготворил (Григорий Павлович, несмотря на чин государственного служащего, относился к категории «а», с легкой примесью пункта «г») и ни за что не оставил бы супругу на произвол судьбы, если бы не крайние обстоятельства, а конкретно – арест имущества, суд и лагеря Мордовии на полные шесть лет. Суд и лагеря, как надеялся Григорий Павлович, супруга вполне бы пережила, но экспроприация честно нажитого имущества (дом, две машины, восемь соток в центре города) пробили бы в их отношениях невосполнимую брешь, так как единственным недостатком Полины Аркадьевны была полная неспособность к труду, как способу добычи денег. В быту Полина Аркадьевна являла пример деятельности и чистоплотности. Работа на чужого дядю вызывала у нее приступ упадка сил, высокую температуру и полностью оправданный больничный лист. Работодатели такой особенности организма не понимали и неизменно отказывали Полине Аркадьевне в трудоустройстве.

(Надо сказать, что по роду деятельности мадам Караулова была дипломированным детским стоматологом. В семнадцать лет родители запихнули ее в медицинский институт к дальнему родственнику, и тот довел дочь до диплома, несмотря на то что дочь упала в обморок при первом детском писке, вырвавшемся у малолетнего пациента вблизи бормашины. Медицинская деятельность оказалась абсолютно противопоказанной Полине Аркадьевне. В этом

быстро разобрались и родители, и дальний родственник, и муж, и потенциальные работодатели.)

Господин Караулов супругу любил и понимал, что ее предназначение быть Хозяйкой Дома. Именно Дома, а не «домишки-хатки-квартирки». При первых же подозрениях ареста Григорий Павлович оформил развод, придерживаясь буквы закона, поделил с супругой видимую часть имущества и голым-босым встретил посланников карающих органов.

Думал – хитрый ход. Но оказалось, пока эти посланники делали обыск в небольшой городской квартире, доставшейся Григорию Павловичу после развода, другие посланники изымали из некоего хитрого столичного банка невидимую часть абсолютно движимого состояния супругов Карауловых.

Изъяли все, и ненатурально притворяться голым-босым Григорию Павловичу довелось совсем недолго.

После ареста бывшего мужа Полина Аркадьевна осталась совершенно без средств.

И мало того. Через день после задержания господина Караулова в дом Полины Аркадьевны стали наведываться странные личности и уверять соломенную вдову, что бывший муж им сильно должен. Личности облизывались на особняк, на восемь соток и предъявляли для ознакомления подозрительные бумаженции с полным письменным признанием супруга – мол, «должен много, обещаю возвратить с процентами».

Недели на две Полина Аркадьевна растерялась. Отправилась бегать по бывшим сослуживцам, приятелям и родственникам Григория Павловича, поскребла по сусекам, кое-что оторвала от сердца и немалое из затребованного отдала.

Странные личности скупой поблагодарили, но продолжили наносить визиты, по-прежнему облизываясь на дом, восемь соток и последнюю машину в гараже.

Через месяц число визитеров разросло до неприличия, и у Полины Аркадьевны появились первые нехорошие подозрения – кто-то пустил по городу слух, что бестолковая разведенка раздает направо и налево субсидии городским мошенникам. Всем и сразу. Бумаженции, приносимые Полине Аркадьевне для ознакомления, вконец потеряли достоверность, почерк и паспортные данные перестали соответствовать личности господина Караулова, а визитеры начали приобретать все более и более затрапезный и хамоватый вид.

Говоря проще, пусть Полина Аркадьевна обстоятельства на самотек, последние боты у нее забрала бы вокзальная бомжиха со словами «Плати долги, шалава!».

Полина Аркадьевна поскрипела мозгами и отправилась к адвокату бывшего мужа. Борис Самуилович мадам Караулову прилежно выслушал и пришел в ужас:

– Полиночка, дорогая, как можно быть такой доверчивой?!

– Наивность женщину украшает, – обрезала Полиночка и поинтересовалась, как ей быть дальше. Последний визитер пообещал откусить ей нос, если деньги не будут отданы после одиннадцатого числа текущего месяца.

Борис Самуилович машинально потрогал свой внушительный румпель и пробормотал:

– Вопрос уладим. Дайте срок.

Надо сказать, что бывший муж Полины самостоятельно улаживать подобные вопросы не умел. К криминалу, как таковому, Григорий Павлович прикасался, лишь читая детективы и просматривая сериалы, и срок в мордовских лагерях отбывал за беззастенчивое казнокрадство. Пятнадцать лет Караулов прослужил в городской администрации по хозяйственной части и попался на нецелевом использовании государственных средств. (Бочком ему припаяли еще и взяточничество, называемое в народе «откатом», поймали с поличным и посадить обещали надолго и обязательно.)

В СИЗО бывшему мужу Полины Аркадьевны сильно повезло с обществом. Порядок в камере соблюдался благодаря стараниям кавказского авторитета Теймураза Асламбековича Гашиева. Беспредельщиков и всякий сброд Теймураз Асламбекович укорачивал резко, но

почему-то проникся симпатией к тихому пузатому казнокраду Грише Караулову. Не позволил положить хозяйственника у параша, а поселил рядышком и с интересом вел длинные странственные беседы с интеллигентным человеком.

К огромному сожалению гражданина Караулова, длилось это соседство недолго. Теймуразу Асламбековичу удалось убедить Уголовный кодекс в предельной чистоте помыслов и выйти на свободу аккурат к моменту наивысшего напряжения, наступившего в жизни Полины Аркадьевны.

Через день после освобождения себя от подозрений Теймураз Асламбекович пришел навестить бывшую, но по-прежнему горячо любимую жену несчастного Григория.

Однако, прежде чем приступить к описанию их первой встречи, следует рассказать о Полине Аркадьевне немного больше. И начать с ее внешности.

Для людей со скудным воображением легче активизировать этот процесс с образа Мэрилин Монро. Нарисовать в воображении кинодиву, сосредоточиться и поэтапно убавлять у Нормы Джин в одном месте и прибавлять в другом.

Прежде всего – полнота. Ее следует слегка добавить. Габариты Полины Аркадьевны почти полностью совпадали с калькой Мэрилин Монро в фильме «В джазе только девушки». (Если брать кальку из фильма «Ниагара», то полноты придется добавить гораздо больше, так как с возрастом Монро несколько усохла.)

Представили?

Так вот. Личико Полины Аркадьевны в отдельности и без макияжа под образ кинодивы попадало не слишком. Вероятно, пройди мадам Караулова одну-другую пластическую операцию, то сходство стало бы полным, но, к чести Полины Аркадьевны, следует изречь: схожестью с голливудской звездой она скорее тяготилась. Поскольку полагала, что интересна мужчинам и без завораживающей ауры матерой американской обольстительницы. Она – сама по себе Полина Аркадьевна. Американка же давно принадлежит мемуарам, биографам, киноиндустрии и тайным эротоманам.

Позиция сия заслуживает всяческого одобрения.

Слегка полноватая и округлая двадцатисемилетняя блондинка произвела на авторитетного кавказского человека а-а-а-ашеломляющее впечатление. Воочию он видел таких женщин только рядом с другими мужчинами или во снах.

Белокурое видение, смущаясь, попыталось захлопнуть перед Теймуразом Асламбековичем створку ворот, но кавказец вовремя всунул в щель ботинок и не позволил замку защелкнуться.

– Э-э-э... я от мужа... зачем дверь закрывать?

Надо сказать, что разговор происходил не на крыльце дома, переведенного недавно Полиной Аркадьевной на осадное положение, а у ворот участка, где мадам бегала с лейкой и поливала клумбу с маргаритками. Она ждала прихода человека, согласившегося купить ее автомобиль, почему-то беспечно распахнула ворота и, увидев на улице незнакомого горца, тут же попыталась отгородиться от него всеми замками.

Еще один гад, подумала Полина Аркадьевна и потянула на себя дверь.

Но кавказец держал ее крепкой рукой.

– Э, зачем закрываешь? – повторил он. – Я от Гриши.

Все вы от Гриши, подумала Полина Аркадьевна и слезно выкрикнула:

– Нет денег!! Нет!

– Какие деньги? – обиделся гость. – Я к тебе за деньгами пришел, а? Я к тебе от мужа пришел. Привет передать.

И в этот момент подоспел натуральный покупатель машины. Бодренький, кругленький, с портфелем под мышкой.

Сцена возле ворот едва не отпугнула его от сделки, но Полина Аркадьевна, разглядев подъехавшего покупателя из-за спины Теймураза Асламбековича, громко воскликнула:

– Валерий Геннадьевич! Проходите, пожалуйста!

Мужчины потоптались возле ворот и зашли оба.

Через пять минут ускоренных объяснений Теймураз Асламбекович взял Валерия Геннадьевича за рукав, повернул его к выходу и, подталкивая, произнес:

– Не будет она ничего продавать, иди, дорогой.

Валерий Геннадьевич ретировался немедленно и без всяческих сожалений. Только за железными воротами угодий Полины Аркадьевны несостоявшийся покупатель вспомнил, что забыл попрощаться с хозяйкой.

Мадам Караулова с опаской оглядела своего неожиданно темпераментного гостя: хороший костюм с отливом, начищенные ботинки и белая рубашка с расстегнутым воротом.

В таких рубашках Полина Аркадьевна знала толк. Ее экс-муж был чиновником, и что такое отстирать, накрахмалить и отгладить подобную ткань до первозданного состояния, Караулова представляла. Рубашка послужила ей знаком – перед ней человек состоятельный, основательный, ухоженный, и пришел он не за старыми ботами. Подобный типаж легко забирает дом, машину и участок без всяческих проволочек и фиктивных расписок.

Полина оглядела черепичную крышу веранды, чистые окошки второго этажа и, остановив взор на голубом небе, выдавила:

– Денег нет. Дом заложен.

– Ах, ах, – пробормотал гость. – Выкупим.

Глагол, возведенный во множественное число, окончательно подтвердил догадки мадам Полины – на этот раз к ней пожаловала запоздавшая с обозами тяжелая артиллерия армии мошенников. Пора собирать трусы и колготки в сумку, – остальное уйдет с молотка.

Ловкий артиллерист шикарным жестом достал из кармана мобильный телефон и, приняв горделивую орлиную позу (брови и полы пиджака взлет, мизинец с бриллиантовым перстнем оттопырен от корпуса мобилы, перстень бьет лучами в глаз Полины), сказал в телефон:

– Э, Ашот, Гришу дай.

О том, что в камеры СИЗО проникают мобильные телефоны, Полина Аркадьевна знала из фильмов и потому внутренне съежилась – не артиллерия. Ракетные войска. Ядерные боеголовки всех радиусов действия. Все в пыль, все в пыль...

– Гриша, здравствуй, дорогой, – говорил тем временем гость. – Как дела, как здоровье? Рад, рад. Тут рядом твоя жена стоит, поговори с ней... – И он протянул трубку мадам Карауловой.

У Полины моментально пересохло горло и вспотели ладони, так как, признаться честно, она была готова услышать из трубки приказ – «с вещами на выход». Если мошенники добрались с мобильными телефонами до СИЗО, то свой процент сливок снимут без остатка.

– Гришенька, здравствуй, – проговорила Полина Аркадьевна, и в голосе ее не прозвучало радости.

Двести процентов радости выдал на-гора Григорий Павлович. Он щебетал и охал, сюсюкал и надеялся, Полина Аркадьевна ждала команды «на выход» и не перебивала.

Гость с Кавказа тихонько кашлянул, и Полина вставила слово:

– Тут к тебе... тут ко мне...

– Теймураз Асламбекович, – обрадованно закончил Караулов. – Можешь доверять ему совсем как мне.

К сожалению для Григория Павловича, данную рекомендацию супруга поняла слишком буквально.

И надо сказать, разочарованной не осталась.

Пережив бурную ночь, Полина Аркадьевна проводила Тимурчика за ворота и осталась в твердом убеждении: годы, проведенные в постели с Григорием Павловичем, прошли зря. Заботливый супружеский секс показался ей истертой в употреблении монетой, южная страсть кавказского гостя осыпала драгоценностями и обогатила опытом.

Справедливости ради следует заметить: Григорий Павлович не был единственным мужчиной в жизни Полины Аркадьевны. До встречи с ним она успела пройти курс молодого бойца, но, как оказалось теперь, инструктора ей попадались, мягко выражаясь, слабоватые. Полину Аркадьевну всегда тянуло к мужчинам изысканным и утонченным, слов нет, среди подобных индивидуумов большой процент весьма изощренных любовников, и Полине Аркадьевне, скорее всего, элементарно не повезло с отсевом.

Но, как говорится, из песни слов не выкинешь, и ночь, проведенная с Теймуразом Асламбековичем, потрясла ее до самых глубин женского основания.

Теймураз Асламбекович, в свою очередь, от этого потрясения испытывал большие моральные трудности. Место, где он встретил Григория Павловича, предполагало изрядную мужскую солидарность, и соблазнение жены товарища по нарам считалось большим грехом, разрушением устоев и нарушением понятий.

Оберегая разбуженную следующим утром совесть, Гашиев быстренько договорился с кем надо и устроил двум бывшим супругам приватную свиданку. Договорился, устроил и лично довез Полину Аркадьевну до ворот режимного учреждения.

– Скажи ему все, – дал наказ. – Будь честной.

Полина Аркадьевна «честно» доложила Грише о своем грехопадении, скорбно мяукнула «официально мы в разводе» и очень удивилась реакции экс-супруга. Многомудрого опального чиновника такое развитие сюжета устраивало вполне. Долгие беседы с господином Гашиевым позволили Григорию Павловичу узнать – Гашиев абсолютно женат и совершенно многодетен. Жена живет где-то в ауле с тимуровскими родственниками и разводиться не собирается. Теймураз Асламбекович как повод для ревности беспочвенен не хуже скалистых горных вершин.

– Полина, – нежно взяв супругу за пальцы, проговорил Григорий Павлович, – я не надеюсь, что ты будешь хранить мне верность долгие-долгие годы. Ты молодая, красивая женщина... тебе нужна поддержка, защита... – И, опустив глаза, на всякий случай все же воткнул шпильку: – Я только не ожидал, что это произойдет так быстро...

Хитрый поворот разговора оставил Полину Аркадьевну в полном недоумении и раздрае. С одной стороны, Караулов отпустил ей грехи, с другой – вроде как обиделся. Не фактом, но скоротечностью...

Умный собственник никогда не отпускает свою собственность до конца.

Теймураз Асламбекович принял карт-бланш и шустро занялся обустройством запутанной финансовой стороны жизни мадам Полины. Он выловил и лично поколотил двух фиктивных кредиторов, нашел мерзавцев, выудивших у «бестолковой разведенки» последние кровные, и за обман поставил их на счетчик. Остальные кредиторы рассосались как легкий туман безоблачным утром, большая неудача обернулась для Полины Аркадьевны чрезвычайно выгодным предприятием. Жизнь ее потекла своим неспешным, сытым порядком. Тимурчик давал деньги на карманные расходы, заботливо следил за пополнением холодильника провизией с рынка и ночью осыпал драгоценностями. Руины потревоженного кредиторами быта на глазах зарастали пышной растительностью, дальнейшее существование представлялось поистине царским...

Через два месяца царского благолепия наступил обязательный кризис. Так уж получается в жизни женщины, что на тарелке с пирожными всегда найдется какая-нибудь липкая и несъедобная пакость. (Меня, например, начинает тошнить от вкуса лакрицы.) Однажды утром

Полину Аркадьевну встретила у ворот толстая бабища в норковой шубе размером с чехол для танка и оттаскала за волосы, приговаривая:

– Ах ты, шалава, б... крашенная!!! На чужое заришься?!?!

Обидные слова превратили мадам Полину в безвольную жертву. Бабища на славу отмутила и оттаскала ее за волосы, надавала пенделей и, вконец унизив, пообещала:

– Не оставишь Тимура, такую порчу наведу... – и показала клок белокурых волос, застрявший в ее перстнях на толстых пальцах. (По всей видимости, именно на прядях предполагалась ворожба и могильное проклятие.) – В месяц сгоришь!

Так состоялось знакомство двух гражданских жен любвеобильного Теймураза Асламбековича. Где-то на родине в горном ауле жила законная мадам Гашиева (мать троих детей), но посланный дружественным народом на заработки в Россию Тимурчик без женской ласки жить на чужбине не собирался. Как стопроцентный мусульманин, он не видел ничего зазорного в том, чтобы достойно обеспечивать еще парочку жен и сколько-то детей.

Одно радовало Полину Аркадьевну: в гарем он жен не собирал. Каждая паслась на своей полянке. Зухра – в ауле; Тамара (толстая бабища в норковом чехле) – в городе, на купленной после рождения сына квартире; Полина – в собственном особняке, рядом с забитым провиантом холодильником.

Открытие, сделанное столь внезапно и больно (в полном смысле этого слова), чуть не уложило мадам Полину в нервную клинику. От обиды и горечи она едва не поддавалась искусу и не сожгла все накрахмаленные рубашки Теймураза Асламбековича. Приехавший вечером Тимурчик получил графином в пузо (мадам целилась в лоб, но промахнулась) и свою порцию проклятий. Полина прыгала и бесновалась, топала ножкой в пушистой тапке и брызгала слезами...

Подобные выходки всегда проходили с Григорием Павловичем, но мужчины с гор народ конкретный. Тимур перехватил ее руку, сжал до синяков и произнес:

– На первый раз я тебя прощаю, женщина. Но повторять еще раз не советую. Я – хозяин. Все?

И Полина Аркадьевна поняла, что крепко влипла. В момент, когда коварный Караулов благословил их связь, она попала в узы крепче супружеских. Полная зависимость от Тимура сделала ее женой лучше всяческих бумаг и документов.

Толстая Тамара попыталась еще раз вразумить разлучницу, приехала снова напугать и побить, но вместо отпора получила слезную просьбу:

– Да заberi ты его совсем!! И сама проваливай!

Бабища так и села на лавочку, поверх наметенного сугроба.

– Заberi?

– Да! Да! У меня муж есть! В тюрьме... правда... – Полина пригляделась к сопернице и заметила, что у той под слоем грима чернеет огромный синяк на скуле. – Это он тебя так?

Бабища ничего не ответила, подобрала полы норковой шубы вместе с половиной сугроба и, вставая, все же пригрозила кулаком:

– Смотри у меня. Он – мой.

– Да бога ради, – напутствовала ее Полина, запирая ворота.

Жизнь и далее на какое-то время потекла своим чередом. Тимур попеременно ночевал то у одной «жены», то у другой, бдительно следил за пополняемостью холодильника и неизменно оставлял деньги на хозяйственные нужды.

Иногда он ненадолго уезжал на родину. И Полина начинала скучать. Бродила по огромному пустому дому, грызла карамельки и с ленивым ужасом представляла, как через несколько лет достигнет габаритов Тамары. Деньги, оставляемые Тимуром на прикроватной тумбочке, позволяли ей вызывать парикмахера и массажиста на дом, новые тряпки радости не приносили – она почти никуда не выходила, – письма от Гриши из Мордовии нагоняли тоску.

Бывшего мужа она почти возненавидела.

Если бы не его трусливое, лукавое коварство, Полина наострила бы когти и зубы, попыталась карабкаться и, возможно, так ей казалось, получила бы от жизни больше. Не без ударов и ошибок, но больше. Живее, во всяком случае.

Примерно через полгода Тимур познакомил ее с сыном. Полина прогулочным шагом шла из аптеки до дома и увидела возле своих ворот знакомый черный джип. Из открытого люка на крыше машины по пояс высунулся худощавый подросток лет одиннадцати в зеленой бейсболке козырьком назад. Подросток улыбался.

– Мой сын Магомет, – с гордостью представил парнишку Тимур.

Сынуля умными глазами смотрел на любовницу папы и никакого недовольства по поводу ее существования не выражал. Очередная пассия, – настоящий мужчина может себе это позволить. По всей вероятности, папаша успел объяснить отпрыску предназначение женщины и ее место. Так что некоторое ехидство во взгляде все же проскальзывало.

– Пап, я тут покатаюсь по округе? – сказал тинейджер, поймал брошенные ему ключи и скрылся в люке.

– Хороший сын, да? – как утверждение, произнес Тимур. – Я хочу, чтобы ты мне такого же родила.

«Боже какое несчастье», – на одной ноте без запятой пронеслось в голове Полины, и она детально представила себя разжиревшей бабищей в норковой шубе, гонящейся за очередной юной любовницей.

Ребенок – это ловушка. Окончательная западня.

– А если я тебе девочку рожу? – попыталась свести все к шутке Полина.

– Девочки мне не нужны, – совершенно серьезно ответил Тимур, – сделаешь аборт. У меня дома три девочки растут. Мне нужен – сын.

«И через одиннадцать лет ты у меня его отнимешь», – как-то сразу подумала Полина. Она была неглупой женщиной. И понимала – это будет прежде всего ЕГО сын. Ничего плохого в том, как на Кавказе растят настоящих мужчин, безусловно, нет. Культ отца, культ старшего отлично воспитывают... Но от Полины ребенка заберут. Как уже оторвали Магомета от Тамары.

Полина не раз слышала рассказы Тимура о том, как он ездил куда-то с сыном, как учил его водить машину, стрелять в тире из пистолета, разбирать автомат, с каким трепетом ребенок чистит до блеска острое и хищное холодное оружие, и признавалась себе: несмотря на безграничную любовь отца к сыну, своему ребенку она б желала другой участи. Она боялась оружия, боялась разговоров о кровной мести и ссылок на гипертрофированную честь, она хотела своему малышу спокойного будущего без стрельбы и вспышек гнева от пустого слова. Деления людей на кланы, тейпы, языковые группировки.

Но оговаривать какие-либо условия с Тимуром – бесполезно. Он решил, что хочет сына от Полины, значит, так и будет. Еще один его сын будет отлично водить машину, метко стрелять из пистолета и забавляться кинжалами. Настоящему горцу нужны наследники, и у Полины сложилось впечатление, что весь этот год Теймураз элементарно присматривался к очередной племенной корове: не болеет ли, не курит, не пьет, лекарств нехороших не принимает. Рост и телосложение Полины предполагали крепкое потомство.

Выбрал, значит, подумала Полина и вслух произнесла:

– Я забыла в аптеке нужный рецепт. Мне надо за ним вернуться.

В аптеке она накупила противозачаточных таблеток, пересыпала их в баночку из-под аспирина и начала принимать в тот же день. Баночку прятала в ванной комнате и каждый месяц очень сочувствовала Теймуразу Асламбековичу по поводу очередной неудачи в деле по дето-производству, так как надеялась, что вопрос отпадет сам собой, словно высохшая бородавка.

Вместо вопроса сам собой отпал Теймураз Асламбекович. Позвонил как-то ночью и дал короткую справку: «Меня не будет долго. Жди». Полина попыталась спросить, что случилось, но тот уже нажал на отбой и даже не попрощался.

Через день к Полине приехал младший брат Гашиева Рустам, привез немного денег и более пространную информацию.

На родине у Тимура случилось несчастье. Машину, в которой ехал его родной дядя с сыновьями, взорвали недруги, и все родственники погибли. Теперь, волею случая, Теймураз Асламбекович стал во главе рода. Причина трагического происшествия занимала все время и мысли любовника Полины. Он перестал звонить, метался по горам в поисках кровников и, казалось, совершенно забыл об оставленной подруге, потенциальной матери будущего наследника.

Потенциальная мать, маясь без денег, неожиданно почувствовала, что ей не хватает мужской ласки, и в какой-то момент решила: «А чего такого-то?!» Он ее оставил. Не звонит. Не пишет. Денег не присылает. Пора позаботиться о себе самой.

И вышла на охоту. За деньгами, за лаской, за мужчиной.

Надо сказать, что именно с открытия охотничьего сезона и начались для Полины Аркадьевны глобальные неприятности. За два года близости с Теймуразом Асламбековичем Полина почувствовала в себе окрепшие сексуальные возможности, зрелость женского ума (угождать темпераментному мужчине та еще забота для ума) и, решившись, вынула из коробки забытые туфли на высоких тонких каблуках. (Теймураз Асламбекович таких туфель терпеть не мог, так как высота каблуков плюс взбитый загривок делали Полину Аркадьевну на его фоне непропорционально высокой.) И достала из гардероба забытые фривольные наряды.

Но вернемся непосредственно к охоте. Прежде чем выйти на отстрел и дабы не распылять сил понапрасну, Полина Аркадьевна определилась по цели. Требования к жертве представлялись самые простейшие: не слишком молодой, обязательно богатый, внешность значения не имеет, темперамент желателен. (Брачные узы жертвы оставлялись за скобками.)

Сезон охоты длился недолго. Неделью. Несколько выстрелов прошли вхолостую. Два достигли цели и предоставили свободу выбора.

Под номером один в потенциальные женихи залетел Семен Иванович Протопопов. Сенья. Пятидесяти пяти лет. Женат. Коммерческий директор приличного банка. Сексуально не аппетитен, но старается.

Неплохо для первого раза, идем дальше.

Второй выстрел сразил Станислава Владимировича Коротича. Стасик. Тридцать два года. Женат на стерве. Немного красив, но очень самоуверен. Владелец крупной строительной фирмы. В сексе нежен, любит, чтоб его жалели.

Уф! Можно отдохнуть и расслабиться. Два любовника одновременно – это не перебор, а необходимая правда жизни. Точнее, выживания хорошенькой женщины в мире скупых мужчин. Так как Тимур вольно или невольно приучил свою подругу к образу жизни сытому, бездумному и очень приятному.

Кому-то может показаться странной та легкость, с которой мадам Караулова отстрелила двух качественных, первостатейных любовников. В России полно одиноких незамужних дам, ищущих надежных друзей в среде обеспеченных мужчин. И если пересчитывать любовников по известному стандарту – один мужчина, одна женщина, – далеко не на всех хватит.

Согласна. В принципе. Но постараюсь убедить в обратном.

Достаточно прежде всего вспомнить двухэтажный каменный особняк мадам Карауловой. В пяти минутах езды от центра города, на восьми ухоженных сотках, в клумбах и газонах. Далее прошу представить в воображении следующую картину...

Обеденное время. Время деловых бесед за чашечкой кофе и короткой передышки.

В приличную, где-то даже фешенебельную кофейню заходит роскошная женщина. Она безупречна во всем – маникюр, прическа, духи, брильянты, макияж и, главное, – манеры. Все выдает в ней даму, обеспеченную со всех сторон. У таких женщин уже есть все.

Беспомощно озираясь и прихрамывая, дама доходит до вашего столика и мило просит разрешения присесть.

Редкий мужчина в такой ситуации не делает стойку. И уж тем более он не знает, что, делая эту стойку, он выпадает из разряда охотников и превращается в жертву. Жертву прекрасных глаз печальной незнакомки, удивительно похожей на кого-то из телевизора... глянцевого журнала... или из сна?

Незнакомка заказывает чашечку кофе, завязывается ни к чему не обязывающий разговор, и тут вы узнаете:

а) на улице дождь, а у дамы нет зонта. «Вы не могли бы подсказать ближайший магазин, где продают зонты?... Или мне лучше заказать такси? Как вы думаете?»

Понятливый ловелас моментально предлагает даме довести ее до дома.

б) сухая погода, но дама хромает. «Ах, ах, нестерпимо болит нога, еле до стула доковыляла...»

Понятливый ловелас следует первому сценарию.

в) возможны варианты.

Во всех трех случаях охотница прилежно сидит в собственном автомобиле неподалеку от кофейни и отслеживает каждую подъезжающую иномарку и выходящих из нее господ. (Обеспеченные господа даже в сортир за углом на «мерседесах» ездят.) Далее – костюм, ботинки, уверенность походки и прочие несущественные, малозаметные мелочи, в которых любая женщина знает толк.

Следуя машинному принципу, промахнулась Полина лишь дважды. Один раз ей попался шофер директора завода. Второй раз скупердай, не предложивший оплатить единственную, крошечную чашечку кофе.

Оба претендента отпали сразу после короткой застольной беседы.

Далее – дом. Внимательный кавалер довозит незнакомку до ворот каменного особняка.

«Ах, ах, я так вам признательна! Может быть, зайдете на чашечку кофе?... Я заметила, что вы – ценитель...»

Любопытство губит не только любознательных кошек. Редкий ловелас не вылетит из своего автомобиля и не запорхнет в особняк очаровашки хотя бы для разведки.

Впрочем, один, вероятно верный муж, – отказался. Он прошел машинную проверку, тест на жадность, но у ворот усадьбы – устоял. Полина проводила его машину взглядом без всякого сожаления. Лучше один холостой выстрел, чем любовник с постоянными муками совести.

А вот Сема и Стасик впорхнули в золотистую паутину двумя мотыльками.

Хозяйка поит гостя кофе. Мерно течет беседа двух культурных людей. И кто начинает первым задавать вопросы?

Конечно, тот, кто впервые в этом доме и с интересом разглядывает обстановку.

– Вы замужем?

– И да и нет. Моя история печальна...

Полина рассказывает, как соскучилась без родного плеча, как тяжело одинокой женщине в холодном мире, как...

Банальность – соль земли и залог успеха. Кто заподозрит неловкую простушку в коварстве?

После жалоб на отсутствие теплого плеча Стасик сразу уложил замерзшую хозяйку в постель и согревал с обеда до первых проблесков зари. Более возрастному Семену Ивановичу потребовалось время на раздумье. Он приехал вечером с букетом и шампанским и увел Полину в спальню под ритмы аргентинского танго. (Что поделать, старая школа.)

Утром каждый из пойманных мотыльков получил по чашке превосходного кофе, затайливой яичнице с ветчиной, зеленым лучком, прочими травками и печальную благодарность:

– Спасибо... я отвыкла о ком-то заботиться... Так приятно смотреть на завтракающего мужчину... Спасибо, ты меня возродил...

Удар копьём в самое сердце. Незабываемая ночь, утренняя яичница и ласковая благодарность. Все это вкупе действует на мужчину укрепляюще, как стимулятор роста. Хочется расправить плечи, творить и удивлять.

Полина получила двух качественных любовников и соответствующую материальную поддержку от каждого. Навещая подругу в каменном особняке, пару сотен на карманные расходы как-то не очень оставишь. Это вам не любовница из панельной пятиэтажки, тут другой коленкор, другой размах. Тут надо соответствовать.

Или уходить.

А уходить не хочется. Полина относилась к типу мягких, обволакивающих женщин. Эдакая тихая гавань для истерзанного штормами фрегата. Всегда приветлива, всегда рядом, всегда утешит и накормит, фрегаты неслись к ней на всех парусах...

Дома чистота и покой, а это требует денег. Белоснежная скатерть и хорошие духи, мягкий белый хлеб и парное мясо, только отличное вино и отменный коньяк, все это радует глаз, нежит душу и требует, требует, требует...

Денег Полине давали без запросов. И в качестве тревог оставались только моральные принципы. Крутиться между двумя любовниками задача не простая, она предусматривает сосредоточенность и определенные навыки. Опасаясь, что в какой-то момент может произойти неловкая ситуация, – или любовники у ворот столкнутся, или она имена Сема и Стасик перепутает, – Полина пыталась первое время сделать выбор. Стасик был более молод и приятен, Сема – более щедр и совершенно не требователен. Стасик боялся своей законной жены до судорог в постели и проводил свидания в строго конспиративном режиме. Семен Иванович соблюдал тот же режим, но по другим причинам. Он прожил со своей верной боевой подругой тридцать лет в законном браке и элементарно не хотел ее расстраивать связями на стороне.

Полина Аркадьевна признала данный мотив благородным и на дверь Семену Ивановичу не указала. Свое лицемерное благородство Сема щедро компенсировал материально.

Замуж Полина за своих любовников пока не собиралась. Абсолютная тайна свиданий ее устраивала, так как положить руку на сердце мадам Караулова категорически не понимала: в данный момент она замужем или нет? Развод с Гришей оформлялся фиктивно в момент опасности, нависшей над имуществом, и устный договор двух экс-супругов гласил определенно: разведены мы только на бумаге.

Так ждать ей мужа? Или нет? Полина прилежно раздумывала над этим вопросом и не находила однозначного ответа.

После памятного телефонного разговора Полина на Гришу обиделась. Подумала как следует и догадалась – ее отдали в аренду, как хороший автомобиль. Причем далеко и далеко не бесплатно и совсем, совсем не дешево. До Полины дошли слухи, что Тимур договорился с кем следует, подкинул денег в общак, и лагерь в Мордовии превратился для Гриши если не в гранд-отель, то в безопасное место как минимум. Караулов устроился в каптерку поближе к материальным благам (завхоз мэрии как-никак, опыт имелся), завел приятные знакомства и даже растолстел...

Так замужем она или нет?

Полина ездила в Мордовию, возила домашние плюшки-ватрушки, котлетки, куриные ножки в фольге и в разговорах с мужем неустанно удивлялась возникшей в нем странности. Потомственный атеист Караулов уверовал в Бога и не перекрестившись за стол не садился. За едой цитировал Библию и Ветхий Завет, тихонько лепетал что-то о суетности бытия и намекал

на обязательное венчание по возвращении из мест лишения. О самих местах говорил, что это – кара.

Полина абсолютно соглашалась и думала, что ИТК сильно повезло с таким верующим завхозом. Смирение и благодать за версту читались на Гришином лице, добавившаяся полнота облагородила черты благообразностью, и Полине в какой-то момент показалось, что она заму-жем за попом.

Мадам Караулова плюнула на муки совести и оставила Семена Ивановича для души, Ста-сика – для тела, обоих вместе для прочной материальной основы. Визиты любовников четко разделила по графику посещений и попросила без предварительного телефонного звонка не являться, так как уважающая себя женщина должна встречать поклонников не с метлой на голове, а при полном параде, с улыбкой на подкрашенном лице.

Поклонники с этим согласились и всегда оповещали о приходе заранее.

Дабы не перепутать любовников, отвечая по телефону, обезличенное обращение «котик» Полина возвела в обычай. «Рада слышать тебя, мой котик», – отвечала на каждый звонок и какое-то время, примерно с полгода, жила припеваючи.

Поздним вечером тридцатого декабря, когда мадам Караулова уже легла в постель с дам-ским романом, в ее доме прозвучал громкий звонок домофона.

Натягивая на ходу халатик, Полина подбежала к окну спальни и с высоты второго этажа выглянула на улицу.

Возле ворот стоял незнакомый серебристый джип, рядом, задрав голову вверх, – Тимур. Ледяной ветер трепал полы длинного кашемирового пальто, снег засыпал непокрытую голову, Теймураз смотрел прямо на Полину.

Ноги у женщины сразу стали ватными, пальцы никак не могли поймать скользкий поясок шелкового халата, а такие мягкие, послушные тапочки с пушистыми помпонами превратились в деревянные голландские башмаки и едва не слетали с ног, когда Полина сбегала по лестнице.

Войдя в дом, Теймураз походя погладил плечо Полины, мазнул взглядом по вешалке с пальто, по обувной тумбе и, ни слова не говоря, пружинистыми, тигриными прыжками воз-несся на второй этаж.

Потеряв тапочки на первых ступенях лестницы, Полина помчалась следом за ним.

Тимур стоял в дверном проеме ее спальни и, казалось бы, приняхивался. Втягивал нозд-рями воздух, кожей впитывал атмосферу и не пропускал ни одной детали.

Вероятно, увиденное его успокоило. Тимур наконец переступил порог комнаты и, как был в черном длинном пальто, сел на край разложенной постели. Сел, поднял на любовницу глаза и без улыбки произнес:

– Ну вот я и вернулся. Ждала?

Полине почудилось, что в ее горле застрял жесткий шарик от пинг-понга, она с усилием протолкнула его в пищевод и просто покивала.

– Вижу, – удовлетворенно кивнул Тимур. – Рада?

– Конечно, Тимурчик! – опомнилась наконец хозяйка и бросилась на грудь гостя. – Боже, я думала, ты меня забыл!

Тимур гладил ее волосы, щекотал носом шею и затылок, потом вдруг руками оторвал голову женщины от своей груди, поставил ее лицо напротив своих, все еще настороженных глаз и, пристально глядя в каждое движение мускулов лица и пульсацию зрачков, сказал:

– Ничего не изменилось, Полина. Я здесь, я рад, что ты это поняла. Покормить меня сможешь? Я сразу из аэропорта...

– Могу, – всхлипнула Полина.

– Иди, – приказал Тимур и, приподняв, мягким шлепком прикоснулся к ее затылку. – Иди, иди, я голоден.

Чашки, тарелки и бокалы выскальзывали из непослушных рук, Полина бестолково суетилась, металась между холодильником и разожженной плитой и никак не могла сосредоточиться – что ей надо приготовить?!

Она моментально все забыла. Где лежит мясо, а где сыр, есть ли в доме готовый гарнир или надо сварить макароны, потеряла из виду солонку и никак не могла ее отыскать. Ножи и вилки сыпались на пол, где-то по второму этажу ходил Тимур, и Полина судорожно пыталась вспомнить – не оставил ли кто из ее любовников свои вещи в спальне или ванной?!

Сейчас, как ни удивительно, ее выручало хитроумное решение иметь двух любовников одновременно. Некоторые сменные мужские вещи она хранила в гардеробном шкафу Григория Павловича, туда же сносила «мыльно-рыльные» принадлежности из ванной и бдительно следила за исполнением этого ритуала.

Но Теймураз мало напоминал Сему и Стасика. Горец мог по следу дойти до чужих вещей в старом шкафу, принюхавшись, обнаружить чужие лосьоны, крема, и тогда...

Он уже переоделся. Только его любимый махровый халат Полина держала в своей спальне, говорила остальным любовникам, что это одежда мужа, и не позволяла к нему даже прикасаться. Видимо, найденная на привычном месте вещь успокоила гостя. Он расслабленно откинулся на спинку диванчика и уже с улыбкой стал смотреть, как суетится и мечется по кухне его женщина.

Она же забивала страх словами и безостановочно болтала:

– Почему ты мне не звонил? Ты же знаешь, как я не люблю неожиданных визитов! Если бы ты приехал на десять минут раньше, то застал меня с маской на лице. Зеленый цвет щек тебе понравился? – И игриво подбоченилась. Постепенно Полина обретала равновесие, входила в норму. – Я лежала с глиной на всем лице... замазанная, как мумия... Как ты мог?! Ни разу мне не позвонить! Не написать! Ты меня забыл?!

– Я не забыл тебя, Полина, – нахмурившись, произнес кавказец. – Я был занят. Но теперь все, – хрипло произнес Тимур и шлепком ладони по попе Полины напомнил: – Шевелись, я голоден.

Когда Полина начала щедро уставлять стол закусками, Гашиев хмурился все больше и больше и, наконец не выдержав, отложил в сторону вилку, встал из-за стола и подошел к холодильнику. Распахнул дверцу – каждая полка была уставлена снедью – и, сторбившись, повис, опираясь на холодильник обеими руками.

– Откуда это? – спросил, не поворачиваясь к Полине.

– Завтра Новый год, – как можно беспечнее ответила женщина. – Я приготовилась к празднику... и, как видишь, не напрасно...

– Откуда деньги? – не отходя от холодильника и не закрывая его дверцы, настойчиво произнес Теймураз.

– В долги залезла! – слегка повышая голос, с вызовом ответила Полина. – Через неделю после Нового года продаю машину, уже есть покупатель. – И с обидой добавила: – Кое-что еще могу себе позволить.

– Не надо ничего продавать, – закрывая холодильник, отрезал Тимур. – Я вернулся.

Он сел за стол и в глубокой задумчивости продолжил есть.

– Ты ждешь кого-то на Новый год? – спросил, не отрывая глаз от тарелки. Видимо, крепко накрутил себя в дороге мужик, никак не отпускало.

– Да. Гошу. Он будет на праздники в городе.

– Этот педик?

– Тиму-у-у-ур, – с укоризной протянула Полина. – Игорь мой единственный друг.

– Чтoб духу его здесь не было. Я сказал.

Полина показательно надулась и уставилась в черное, со штрихами вьюги окно.

– Деньги... *этот* одолжил? – после долгой паузы спросил Гашиев.

– Да, – резко обернувшись, выкрикнула Полина. – Да, Игорь! А кто же еще?

Тимур, кряхтя, выполз из-за стола и вышел из кухни. Полина услышала, как звякнула в прихожей связка ключей, хлопнула входная дверь...

Вернулся Гашиев довольно быстро. На велюровые домашние тапочки налипли комья снега, голову, плечи и волосы на груди припорошил снег, в руках Теймураз держал огромный букет пурпурных роз.

– Это тебе, – сказал и бросил цветы на стол перед Полиной.

Целовать ее он так пока и не мог. Боялся почувствовать на своих губах запах другого мужчины.

Полина вдыхала слабый запах ярких роз, в голове набатом бухали мысли: завтра утром, после предварительного звонка, к ней, с таким же букетом и новогодним подарком, придет Стасик. На праздничную неделю он с семьей уезжал за границу и хотел поздравить подругу загодя.

Трубку телефона в спальне, после первого же звонка, возьмет Тимур. Полина была совершенно уверена: ответить на первый утренний звонок он ей не даст. О том, что произойдет, когда Гашиев услышит радостный, воркующий голос празднично настроенного Коротича, лучше не думать. Скорее всего, в спальне разыграется финальный акт трагедии «Отелло».

Полина опять почувствовала в горле теннисный мячик и поглубже уткнулась лицом в цветы.

Отключить все телефоны в доме?

Опасно. Голову на отсечение, – едва проснувшись, Тимур схватится за трубку и начнет поздравлять кунаков и прочих местных приятелей. Что, если «его женщина» не успеет включить хотя бы один из домашних телефонов? Тимурчик придушит эту женщину без суда и следствия.

«Почему телефон отключила? Чего боялась? Любовник будет звонить, да?!»

Не снимая с цветов целлофановой обертки, Полина сунула букет в высокую хрустальную вазу и пошла наполнять ее водой. По пути схватила с прикроватной тумбы мобильник.

Гашиев оставался на кухне. Хозяйка заперлась в ванной комнате второго этажа и открыла кран. Вода с грохотом обрушивалась в гулкую акриловую емкость, Полина трясущимися пальцами набирала смс-сообщение: «Дорогой, я срочно уехала к мужу в Мордовию. Не звони, не ищи, приеду после праздников, позвоню сама. Поздравляю с Новым годом, целую, *Полина*».

Продублировав сообщение на номер Семена Ивановича, мадам стерла из памяти телефона малейшие упоминания о любовниках.

Все новогодние праздники Полину не отпускало напряжение. Зная, что оба новых поклонника обязательно нагрянут с подарками, она вся извелась и, когда Тимур уехал на один день в Москву, назначила Семену Ивановичу и Коротичу свидания на нейтральной территории и провела их по единому сценарию.

– Дорогой, я ездила к мужу и дала ему обещание ждать верно. Он заставил меня поклониться на Библии. Прости... но это наша последняя встреча.

– Может быть... – мямлили Сема-Стасик.

– Нет, нет, не терзай мне душу! Я больше не могу. Прости, я уйду, мне тяжело тебя видеть.

Слезное прощание, последний сестринский поцелуй и взмах душистого платочка – прощай, любимый.

Достойный финал двух красивых, точнее, качественных романов. Шикарная дама соблюла реноме и осталась в памяти, как прекрасное, но исключительно благородное видение.

Тимур пробыл в городе восемнадцать дней и уехал на родину.

Два месяца Полина приходила в себя. Гашиев не приезжал, почти не звонил, но Полина постоянно чувствовала его присутствие. Он все еще не оставил надежды, что когда-нибудь она

родит ему сына. Любой мужчина, появившийся возле Полины, принесет ей гибель, и это мадам понимала хорошо.

Восьмого марта в двенадцать часов дня позвонил Семен Иванович:

– Поленька, солнышко, котик, я могу приехать и поздравить тебя с праздником? Я так хочу тебя видеть...

Первоначальный испуг быстро прошел, – Тимур звонил утром, говорил хорошие слова и сетовал, что приходится задерживаться на родине до конца месяца, – и Полина прощепетала:

– Конечно, Сема. Буду рада. Но...

– Да, да, – тут же перебил Протопопов, – мы только друзья. – И пропел с интонациями то ли Сличенко, то ли Вертинского: – «Мы только знакомы, как странно...»

В старой школе есть своя, непередаваемая прелесть.

Встреча с галантным Семеном Ивановичем принесла Полине радость. Давно забытое раскрепощение и заботливое внимание понятливого друга. Семен ловил каждый ее жест, предупреждал желания и совершенно, абсолютно не настаивал на близости. Даже не намекал. Ни полусловом, ни полувздохом. Ласково смотрел на Полину, подливал ей шампанского и беспокойно спрашивал:

– Как же ты крутишься, Поленька, душечка? Как с деньгами? Плохо? Я могу помочь... – и, не дожидаясь отказа или благодарности, распахнул бумажник.

Деньги у Полины, разумеется, были. Но зачем расстраивать Семена Ивановича отказом? Поленька приняла пачечку купюр, поблагодарила с искренностью, однако без подобострастия, и отпила за здоровье гостя шампанского.

– Я вот о чем хочу попросить тебя, Полюшка, – неловко поведя плечами, приступил Семен Иванович. – На днях из Петербурга ко мне приедет деловой партнер. Он очень занятой человек и терпеть не может суеты в гостиницах, – Протопопов почти перешел на скороговорку, – тем более что приезжает он совсем не надолго, на одну ночь максимум, и хотел бы оставить свой приезд, в общем-то, в тайне. А в гостиницах суета, народ... как ты понимаешь, всегда найдется кто-то знакомый, пойдут разговоры...

– Ты хочешь, чтобы он поселился у меня? – догадалась Полина.

– Да. Ты ведь давно собиралась открыть у себя частный пансион. Он заплатит! Щедро! И я добавлю... Так как? Согласна? Ты очень меня выручишь, Поленька...

Поленька задумалась.

В принципе в просьбе Семена Ивановича не было ничего дурного. А оправдать отказ было бы нечем...

Да и деньги... Они лишними не бывают. Тимур опять пропал почти на два месяца.

– Хорошо, я подумаю.

– Поленька, – оживился бывший любовник, – тебе надо просто накрыть небольшой столик на трех человек – со мной придет еще директор нашего банка – и оставить нас на пару часиков. Если переговоры пройдут успешно, Николай Петрович даже уедет этим же вечером в Питер. Ну как? Подумай. Это так просто. А деньги тебе заплатят хорошие.

Большой дом в тихом переулке как нельзя лучше подходил для переговоров, к которым не стоит привлекать внимания. Приезд трех мужчин в гости к хорошенькой женщине не вызовет пересудов, Семен Иванович все рассчитал правильно.

– Хорошо, – решила Полина. – Я согласна.

– Николай Петрович приедет одиннадцатого днем, – споро затараторил Протопопов, – и с вокзала сразу к тебе. Ты его чайком-кофейком напои, уложи отдохнуть, или пусть в кабинете поработает. Сама ужин приготовь, и все. Я и мой шеф приедем к шести вечера. Договорились?

– Я... ужинать буду вместе с вами? – прямо спросила Полина.

Семен Иванович замялся:

– Нет, Полиночка, извини. Это деловой ужин... может быть, ты позже к нам присоединишься...

– Мне все равно, – перебила хозяйка гостя. – Спальню я приготовлю.

Суровый и хмурый Николай Петрович приехал днем. В руках он держал приличных размеров кожаный кейс. Когда мужчина вошел в прихожую, Полина заметила, что чемоданчик пристегнут к его запястью блестящей, почти невидимой под рукавом пальто, цепью.

На простого курьера Николай Петрович не походил совершенно. От него за километр сквозило начальством, такие люди сами на посылках не бывают. Видимо, переговоры потребовали личного и весьма секретного присутствия Большого Человека, и Полина догадалась: встреча в ее доме и в самом деле произойдет нешуточная.

После четырехчасового ужина и беседы мужчины разъехались, Николай Петрович успевал на ночной проходящий поезд до Санкт-Петербурга. Когда он выходил из дома, Полина обратила внимание, что облегченный от тяжести кейс он нес уже совсем беспечно и к руке не пристегивал.

Скорее всего, там были деньги, догадалась Полина. И, судя по тяжести чемодана, большие.

Проводив показательно молчаливых мужчин, хозяйка зашла в столовую, посмотрела на накрытый стол с разноцветными от пятен закуски тарелками и увидела под солонкой пачечку зеленых купюр. Пересчитав деньги, Полина обомлела: за небольшую услугу ей оставили семьсот долларов.

Слишком много. И вероятно, это плата – за молчание.

Семен Иванович позвонил утром и начал с благодарности:

– Полинушка, дорогая, ты так нас всех выручила! Ничего, что я не представил тебя гостям? Это было бы лишним. Я сказал им, что ты моя троюродная племянница, временно оставшаяся без средств...

– Все нормально, Семен, – успокоила Полина.

– Денег оставили достаточно?

– Да.

– Если еще раз возникнет необходимость, я могу снова воспользоваться твоим гостеприимством?

– Если я только буду в состоянии принять твоих гостей, то да.

– Конечно, конечно, я обо всем предупрежу тебя заранее. Никаких внезапных визитов, обещаю.

– Тогда хорошо.

– Ты ангел, Полинушка.

С периодичностью раз в квартал трое мужчин ужинали в уютном доме в тихом переулке. И только один раз молчаливый как монумент Николай Петрович остался ночевать.

Ни Семен Иванович, ни его партнеры даже взглядом не намекали Полине Аркадьевне на дверь ее спальни. Деловые знакомства опасно путать с постелью. Любовницы случаются крайне обидчивыми и без оглядки мстят.

Второго отставленного любовника Стасика Коротича Полина встретила случайно, прогуливаясь майским вечером по городскому саду. Стаса она увидела первой, тот одиноко сидел на лавочке и мял в руках свернутую трубочкой газету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.